

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.8

УДК 316.453, 316.477 | ББК 60.723.5

© Айрапетян Э.М., Покровская Н.Н.

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ОПЫТ АРМЯНСКИХ МИГРАНТОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЭДГАР МУРАДОВИЧ АЙРАПЕТЯН

Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Армения

Ереван, Республика Армения

e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0500-9816

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ПОКРОВСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: nnp@ Herzen.spb.ru

ORCID: 0000-0002-0795-8102; ResearcherID: M-4586-2016

После распада СССР постсоветские страны пережили сложные социальные процессы, связанные как с изменением социально-политической модели, так и социокультурными сдвигами. В результате геополитической перестановки бывшие республики некогда единого союзного государства оказались включенными в систему международных миграционных потоков, при этом зачастую их население как единственную возможность обеспечения своей жизнедеятельности рассматривало миграцию в страны, ранее находящиеся в тесных связях. В постсоветский период РФ представляет собой одну из основных точек направления миграции из Республики Армения, при этом Россию можно считать страной-реципиентом, тогда как Армению – страной-донором. Исследование посвящено изучению факторов миграции, в том числе с учетом существующей социальной сети, на примере опыта армянских мигрантов в российском регионе. С целью выявления объективных и субъективных факторов миграции из Армении в Вологодскую область

с позиции самих мигрантов авторами с августа 2018 по январь 2019 года проведено качественное социологическое исследование (посредством неформализованного интервью). Между Республикой Арменией и Вологодской областью (до 1929 года – Вологодской губернией) уже не одно столетие формируются различные социально-экономические и культурные контакты, соответственно – социальные сети, что выступает важнейшим социокультурным фактором миграции армян в регион в современный период. Результаты исследования показали, что мигранты связывают причины своего переезда из Армении в Вологодскую область не только с объективными факторами (как экономического, так и политического характера), но и с субъективными – наличием/отсутствием социальных сетей. Сделан вывод о том, что на выбор миграционного направления в первую очередь влияет наличие социальных сетей: складываются «сети мигрантов» как различные социальные взаимодействия между населением отдающего и принимающего общества. Результаты исследования могут быть полезны для развития работы российских органов местного самоуправления с армянскими мигрантами и на уровне расширения деятельности государственных органов отдающего общества по сохранению квалифицированных человеческих ресурсов на территории страны.

Миграция, трудовая миграция, человеческий капитал, социальная сетевизация, принимающее общество.

Постановка проблемы

Миграция отражает стремление человека расширить круг самореализации, воплотить свои способности активно и продуктивно трудиться, созидать полезный для себя и общества продукт. Поиск мест приложения активности вынуждает человека уходить из известного, привычного, хорошо знакомого мира в новое социальное пространство. Неопределенность целевого рынка труда, экономической и социокультурной системы принимающего региона может быть существенно снижена благодаря договоренностям, явным (письменный контракт) или расплывчатым (устное приглашение поработать). В то же время функцию снижения неопределенности для мигрантов в значительной мере выполняют социальные сети, к примеру, через диаспору – сообщество, проживающее вне страны своего происхождения. Для принимающего общества диаспора также может играть значимую роль в повышении определенности: в фиксации места будущего иммигранта в обществе и в хозяйстве региона, а также в распределении социальных позиций.

После распада СССР Российская Федерация и независимые страны – бывшие республики единого союзного государства оказались вовлечены в систему международных

миграционных потоков, при этом сегодня РФ представляет собой одну из основных точек направления миграции из Республики Армении. Россия стала страной-реципиентом, тогда как Армения – страной-донором (Айрапетян, 2021). Этим обусловлена особая степень актуальности вопросов, касающихся специфики миграции армян в российские регионы. Отдельный интерес представляет выявление факторов миграции с позиции самих уезжающих. Следует констатировать, что материалы официальной статистики не дают возможности анализировать субъективные факторы миграционных процессов, при изучении обозначенных вопросов необходимо обращаться к социологическим данным.

Теоретические аспекты исследования факторов миграции

В западной экономической литературе стремление объяснить факторы международной миграции для стран-доноров и стран-реципиентов породило множество теорий. К примеру, в контексте структурного подхода значительное внимание уделяется дисбалансу в структуре спроса и предложения рабочей силы, что приводит к существенным различиям заработной платы между дифференцированными

частями мира. Базовая модель, первоначально разработанная для объяснения миграции в процессе экономического развития в работах Хикса (Hicks, 1932), Льюиса (Lewis, 1954), Харриса (Harris, Todaro, 1970) и Тодаро (Todaro, 1969), подчеркивает, что миграция является результатом фактических различий в заработной плате между рынками или странами, которые возникают из неоднородных степеней ограниченности рынка труда. Согласно этой теории, миграция обусловлена географическими различиями в предложении и спросе рабочей силы и вытекающими из этого различиями в заработной плате между богатыми рабочей силой и богатыми капиталом странами. Миграция, таким образом, приводит к снижению среднего уровня оплаты труда.

Вместе с тем для миграции необходимы затраты, т. е. трудовыми мигрантами, как правило, не являются наиболее бедные слои населения исходных стран (Faist, 2000). В расширенных неоклассических моделях миграция определяется ожидаемым, а не фактическим доходом, ключевой переменной служит доход, взвешенный по вероятности занятости (Bauer, Zimmermann, 1999).

Выдающимся сторонником неоклассической теории миграции является Лари Саастанд (Sjaadstad, 1962). Его теория человеческого капитала обогащает существующие экономические подходы, рассматривая международную миграцию как селективную, выделяет людей с определенными социально-демографическими и личными особенностями характеристик. В центре такого анализа находится рациональный человек, который мигрирует с целью максимизации своих выгод. Мобилизующим контекстом для миграции выступает отсутствие возможностей получения дохода и социально-экономического развития в собственной стране. Данная теория предусматривает уважительный отбор международных мигрантов за счет их человеческого капитала, способствует «утечке мозгов» (brain drain) из отправляющих стран, где люди не могут удовлетворить запросы относительно доходов и карьерных ожиданий за счет собственного

образования. Человеческий капитал, навыки, возраст, семейное положение, пол, профессия и положение на рынке труда, а также предпочтения и ожидания сильно влияют на выбор, мигрировать или нет. Согласно теории человеческого капитала, мигранты, как правило, относительно (более) квалифицированы, потому что это, при прочих равных условиях, увеличивает шансы на их успех.

Дж. Борджас (Borjas, 1987) исследовал это предположение в отношении иммигрантов на рынке труда США и проанализировал, в частности, взаимосвязь между распределением доходов и навыками мигрантов. Он обнаружил, что иммигранты из стран с более высоким неравенством в доходах, как правило, менее квалифицированы, чем средний работник, как в принимающих странах, так и в странах происхождения.

Историко-структурные подходы к миграции приносят совершенно разные понятия в понимание факторов миграционных процессов. Теория мировой системы Э. Валлерстайна (Wallerstein, 1974) в качестве одной из детерминант миграции к структурным изменениям на мировых рынках, акцентируя внимание на социальной, экономической и политической трансформации нерыночных государств, рассматривает возникновение международных человеческих потоков как функцию глобализации, усиление взаимозависимости стран и появление новых форм производства (Massey et al., 1998). Миграции такого типа способствуют различные связи между страной происхождения и страной назначения, а именно культурные, транспортные, коммуникационные связи или языковая близость. В соответствии с этой теорией миграция, скорее всего, будет происходить между колониальными в прошлом державами и их бывшими колониями, что объясняет существование связей между странами, расположенными на большом географическом расстоянии.

Теоретический анализ причин миграции с позиции социологической науки показывает, что на принятие решения о миграции влияют различные группы факторов («pull» and «push» factors): выталкивающие

(характеризующие территорию выбытия), притягивающие (связанные с территорией прибытия) и промежуточные, касающиеся как территорий (например, расстояние, язык), так и мигрантов (например, возраст, семейное положение) (Lee, 1966).

Миграция определяется соотношением этих сил. К числу притягивающих факторов («pull» factors) относятся позитивные аспекты страны назначения, такие как высокий уровень оплаты труда, экономическое благосостояние, экологическое благополучие, безопасность, свобода вероисповедания и т. д. К числу выталкивающих («push» factors) – негативные обстоятельства в стране отправления, т. е. безработица, высокий уровень налогообложения, политическая или экономическая нестабильность, нарушение прав человека и т. д. Особое внимание уделяется промежуточным факторам, действующим между страной отправления и страной назначения, включая всевозможные барьеры на пути перемещения потенциального мигранта: стоимость переезда, расстояние, необходимость наличия входных и/или выездных виз и т. п. Зачастую именно промежуточные факторы оказывают решающее воздействие на принятие решения о миграции.

Концепция «тяги-толкай» нашла отражение в отечественных исследованиях (Староверов, 1975), в которых были отмечены и ее недостатки. Среди них – неоднозначность суждения о знаке ряда мотивов, т. е. является ли, например, высокий уровень толерантности принимающего общества привлекательным, положительным или негативным, отталкивающим фактором, вплоть до перехода положительных факторов в отрицательные и наоборот (Моисеенко, 2004).

Ученые отмечают, что решения о миграции принимаются не отдельными субъектами, а, как правило, семьями или домохозяйствами (Stark, 1991). Причем значение имеют не только максимизация дохода от миграции и привлекательная заработная плата на рынке труда принимающей страны, но и комплекс взаимодействий людей, мотивации и контекста (Massey et al., 1998), включая минимизацию риска для финансового

благополучия домохозяйств. Д. Массей пишет, что рационально действующий субъект ищет возможности преодолеть имеющиеся в его стране недостатки путем временного трудоустройства за рубежом с целью перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм (Massey, 2002).

Социологический теоретический анализ миграции показывает, что в процессе принятия решения о миграции важную роль играют существующие в странах-реципиентах социальные сети (Taylor, 1986). «Сетевизация» в общем смысле слова – это процесс создания сетевых структур и сообществ. В рамках сетевого подхода различают анализ социальных сетей и сетевую теорию. Анализ социальных сетей, восходящий к социометрическим исследованиям Я. Морено, предназначен для эмпирического изучения социальных отношений и потоков ресурсов в сети. Сетевая теория – реляционное (от англ. relation – отношение) направление социологического знания, в рамках которого позиция актора в сети рассматривается, с одной стороны, как детерминанта его социального поведения, с другой – как социальный капитал, позволяющий ему реализовывать свои устремления (Felmlee, Faris, 2006; Князева, 2006).

Сетевизация современного общества, построенного по принципам рационального (в понимании М. Вебера) порядка, отражает переход от социальной сети традиционного типа (личные контакты и распространение, проникновение межличностных связей) к новым социальным сетям, в которых люди могут взаимодействовать лично, при этом не будучи знакомыми друг с другом физически, как в рамках соцсетей цифровой природы в глобальной сети Интернет, так и в рамках построения сообществ по содержанию или деятельностному признаку: социопрофессиональных, цеховых, отраслевых, тематических. Социальная сетевизация, таким образом, понимается в качестве построения взаимосвязей с разной степенью доверия и общности (близости, proximity) между индивидами как носителями общих социокультурных базовых регуляторов (картины мира, ценностей и норм поведения).

Часть современных исследователей сводят сетевизацию общества к цифровизации, т. е. к внедрению цифровых инструментов взаимодействия онлайн (Москвин, 2018). Однако представляется целесообразным включить в понятие социальной сетевизации все многообразие изменений, которые происходят как в связи с развитием цифровых коммуникационных онлайн-технологий, так и с изменением характера взаимоотношений в обществе. Эти изменения обусловлены отходом от дифференцированности и атомизированности современного общества («одномерного человека», по Г. Маркузе), а также постепенным возвращением примерно в течение последних 50 лет к сложной системности человеческих взаимосвязей в рамках социокультурного пространства сети (например, социодинамика от насыщения материальных потребностей к ценностным ориентациям нематериальной природы, анализ слабых сетевых связей и выявление гибкости сетей) (Лысак, 2018).

Социальные сети – это способ организации взаимодействия между социальными субъектами, характеризующийся гибкостью, подвижностью, отсутствием жесткой структуры и неинституализированностью связей. Основное отличительное свойство социальных сетей от других сетевых объектов заключается в устойчивости межличностных коммуникаций, определяемых внутренними мотивациями социальных субъектов (Андрамонова, 2015).

Мы исходим из понимания того, что в общем виде сеть представляет собой совокупность социальных субъектов (акторов) и связей между ними, которые возникают на основе определенных социальных (родственных, дружеских, соседских, профессиональных и др.) отношений и сопровождаются, как правило, передачей различного рода ресурсов (материальных и нематериальных).

В статье предпринята попытка выявить движущие силы, которыми обусловлены потоки армянских мигрантов в Вологодскую область Российской Федерации. Особое внимание уделено субъективному фактору миграции, а именно влиянию социальных

сетей на миграционные потоки из Армении в российский регион. Изначально выбор региона и актуальность исследования были обусловлены тем, что Вологодская область представляет особое направление для осуществления деятельности и удовлетворения потребностей в социально-экономической сфере для армянских мигрантов.

Вологодские исследователи отмечают, что область не является достаточно привлекательной территорией для въезда мигрантов, переселяющихся на постоянное место жительства. Так, по состоянию на 1 января 2019 года численность населения Вологодской области составила 1167,7 тыс. человек, в том числе 847,7 тыс. городского населения и 320,0 тыс. – сельского. За 2018 год она уменьшилась на 9 тыс. человек (0,8%). Сокращение численности населения произошло за счет естественной убыли, составившей 4531 человек, и миграционной убыли – 4445 человек (Будилов, Калачикова, 2020). Учитывая эти тенденции, полагаем, что изучение факторов внешнего миграционного передвижения в регион представляет актуальную исследовательскую задачу. Научная новизна исследования обусловлена выявлением факторов миграции (с позиции самих мигрантов) в Вологодскую область.

Методическая стратегия исследования

Методика настоящего исследования сформирована и последовательно реализована в рамках двух этапов. На первом этапе осуществлен анализ нормативно-правовой базы относительно регулирования миграционных процессов на постсоветском пространстве, проанализированы данные официальной статистики, изучена документация диаспоры армян в Вологодской области, регионального отделения общественной организации «Союз армян Вологодчины», что позволило разработать инструментарий собственного эмпирического исследования. На втором этапе посредством проведения неформальных интервью с мигрантами из Армении в Вологодскую область апробирована качественная социологическая стратегия.

Эмпирической основой исследования стала полевая работа, проводившаяся с августа 2018 по январь 2019 года в Вологодской области (города Череповец, Вологда и Сокол). Применяемый исследовательский метод – неформализованное интервью – позволил выделить основные движущие мотивы и причины выбора страны-реципиента. Интервью осуществлялось посредством аудиозаписи с транскрибированием на армянском языке (после чего сделан перевод на русский язык). Средняя продолжительность интервью составила 35–45 минут. При анализе материалов интервью авторами указывалась следующая информация: пол, возраст, сфера занятости, место проживания мигранта.

В ходе исследования, проведенного в Вологодской области, были опрошены 27 человек, 21 из которых – постоянные жители, 6 – уехавшие на зарубежные заработки. Период пребывания за рубежом армянских мигрантов, переехавших на постоянное жительство в Вологодскую область, составляет от 2 до 25 лет. По половозрастному составу: женщин – 10 респондентов, мужчин – 17. Из 27 опрошенных 9 человек в возрасте от 25 до 35 лет, 4 человека – от 36 до 45 лет, 7 человек – от 46 до 55 лет, 6 человек – от 56 до 65 лет, 1 – старше 65 лет. По образовательному критерию: 16 человек со средним профессиональным образованием, 11 – с высшим образованием.

Результаты исследования

Прежде чем перейти непосредственно к выявлению факторов, способствующих миграции населения из Армении в Вологодскую область в современный период, следует остановиться на культурно-исторических связях между этими территориями. Согласно фактическим данным, полученным в ходе исследования, упоминания о наличии армян в Вологодской области встречаются с конца XIX века. В архивных фондах Вологодского губернского жандармского управления, Канцелярии Вологодского

губернатора, Исполнительного комитета Вологодского областного Совета народных депутатов и Администрации Вологодской области имеются следующие сведения о связях Вологодской области (губернии) и Республики Армения (Эриванской губернии Армянской ССР). Согласно документам архивных фондов, в месте ссылки подданных империи находились представители армянской национальности. Так, с 1898 по 1901 год в город Вологду за принадлежность к «армянскому тайному сообществу» был сослан князь Иосиф Егорович Аргутинский-Долгорукий. В 1894 году в Вологодской губернии находились под гласным надзором полиции ссыльные армяно-григорянского вероисповедания разного социального статуса. По данным Всеобщей переписи населения 1897 года, на территории Вологодской губернии постоянно проживали 8 человек армяно-григорианского вероисповедания¹.

В последующие периоды историко-культурные связи между населением Армении и российским регионом укреплялись. Особенно интенсивно различные формы социального взаимодействия развивались в советский период. В эту эпоху армяне на территории СССР выделялись своей экономической активностью, создавая кооперативы и экспортируя в различные советские страны и города ювелирные изделия, обувь, ковры, часы, коньяк, сельскохозяйственные продукты и т. д. Вологодская область не стала исключением.

Таким образом, в контексте установившихся культурно-исторических связей Россия являлась для населения Армении главным направлением миграционных потоков, что продолжается и в настоящее время. Краткий исторический экскурс на основе анализа архивных документов показал, что между Республикой Арменией и Вологодской областью (до 1929 года – Вологодской губернией) уже не одно столетие формируются различные социально-экономические и культурные контакты и, соответственно, социальные сети, что выступает важнейшим

¹ Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года (2011) // Демоскоп Weekly. № 491–492. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения 15.01.2022).

социокультурным фактором миграции армян в российский регион в современный период.

Этапом массовой эмиграции из Армении следует обозначить 1990-е гг., что было обусловлено такими экстраординарными явлениями и специфическими факторами конца 1980-х – начала 1990-х гг., как социально-экономические и морально-психологические факторы, вызванные экономическим кризисом в стране после распада Советского Союза и главным образом масштабными военными действиями в Нагорном Карабахе, дорожной и торговой блокадой Армении Турцией и Азербайджаном. Экономический шок сопровождался экономической и энергетической блокадой страны, сокращением промышленного производства, коренными структурными изменениями в экономике, развитием новых рыночных экономических отношений, социальным расслоением и безработицей. Многие люди видели отсутствие перспективных экономических возможностей в «новой» Армении и решили искать работу и лучшую жизнь в других странах.

В ходе анализа материалов интервью выявлено, что респонденты основные факторы миграции связывают с экономическими проблемами и называют материальные трудности населения Армении, с которыми они столкнулись после распада Советского Союза, ключевой причиной принятия решения о переезде.

«Я в Армении работала в г. Капане на ламповом заводе, трикотажной фабрике. После независимости Армении и распада СССР почти не было возможно найти работу в стране, было просто ужасно, невозможно было жить. Мы остались безработными в это время, ведь после развала Союза почти все заводы оставались. Продала все, что имела в Армении и переехала жить сюда. В основном приехали сюда от плохой жизни, в 1991 г. Дети тоже здесь живут, тут родились и внуки» (жен., 60 лет, сфера торговли, г. Череповец).

О тяжелых экономических условиях говорит и другой респондент, считая выходом из сложившейся ситуации только эмиграцию:

«Мы с мужем и сыном приехали в Череповец в 1994 г., потому что находились в трудной экономической ситуации. В это время тут жила моя сестра с семьей, которые переехали сюда в 1993 г.» (жен., 54 года, домохозяйка, г. Череповец).

Как показывают полученные в ходе авторского исследования данные, обеспечение минимальных условий жизни, стремление к адекватному вознаграждению за выполненную работу побудило людей рассматривать миграцию как источник удовлетворения жизненных потребностей.

«В Армении я работала в разных ресторанах поваром до 2010 г., но зарплаты не хватало, у нас была ипотека и трудно было платить за нее, детей обеспечивать» (жен., 63 года, сфера ресторанного бизнеса, г. Сокол).

Другой респондент, участвующий в интервью, также указал низкую оплату труда причиной эмиграции из Армении в Вологодскую область:

«Я закончил Технический колледж Ереванского художественного искусства. После армии начал работать ювелиром на рынках золота. До приезда в Россию 5-6 лет я работал в банковской системе ювелиром-экспертом. Там тоже низкая зарплата, все время давали обещания, поэтому как только получил более прибыльное предложение, приехал в Россию. В Армении уже это дело как бы пошло на упадок. Те, кто раньше начали дело, уже имели свое место, а мне начать и создать что-то уже было бы очень трудно и тяжело» (муж., 54 года, сфера ювелирного бизнеса, г. Сокол).

Таким образом, исследование, проведенное авторами, подтверждает, что в указанный период эмиграция из Армении в российский регион в основном была обусловлена экономическими причинами. Данные, полученные в ходе интервью, позволяют разделить мигрантов в Вологодской области на две группы – долгосрочные мигранты и отправляющиеся на сезонные зарубежные заработки.

Итак, экономические факторы однозначно можно отнести к первостепенным для принятия решения о миграции. В то же время необходимо подчеркнуть важность

коренных политических преобразований, происходивших после распада Советского Союза и обретения Арменией независимости, а также стремление новых политических элит сконцентрировать в своих руках государственную власть, что в какой-то мере тоже отразилось на желании эмигрировать из страны.

«Я работал в Армении на двух заводах – стекольном заводе и в фурнитурной фабрике, а по выходным помогал родителям в земледелии. Много причин повлияло, чтобы я уехал из Армении. Во-первых, не было минимальной возможности обеспечить свою семью. Когда я приехал сюда, сыну моему было 1 год, и я не мог ребенку что-то нормального купить. Во-вторых, у меня был конфликт с тогдашними представителями правительства. В то время избирали членов Верховного Совета Республики Армении. Мы представили своего кандидата, но представители правительства путем запугивания, взяток уговорили нашего представителя снять кандидатуру. Это, конечно, нам не понравилось. И они начали нас, так сказать, преследовать, истреблять, одним словом гонять из страны. Даже было, что к нам домой пришел глава сельского поселения и сказал, что ты можешь нам сделать... я, глава села, член правительства, мы одна система, один организм, и ты ничего не можешь нам сделать, пойти против власти, системы. И вот я подумал, что молодой, с семьей и уже не смогу там жить, не позволят работать, решил уйти из Армении» (муж., 50 лет, строительная сфера, г. Вологда).

Республика Армения после переходного периода вступила в новый этап развития. Была заложена основа для формирования государственной институциональной системы, которая должна была стать основным гарантом благополучия народа. Однако показательно, что финансирование сотрудников госсектора Армении не всегда давало возможность человеку и его семье удовлетворить минимальные условия жизнедеятельности.

«Меня привело сюда то, что мне не нравилась ситуация в Армении. Я там работал госслужащим в администрации сельского по-

селения – начальник общего отдела. В Вологде я 2 года и 5 месяцев. Раньше тоже было, что я приезжал в Вологду на заработок и работал в сфере строительства. Я приезжаю к своему родственнику, который имеет тут свою собственную строительную фирму. Мы довольны очень. Сюда я приехал с женой и сыном, а две дочери остались в Армении – одна школьного возраста, а вторая учится в педагогическом университете в городе Ванадзор (Кировакан)» (муж., 46 лет, строительная сфера, г. Вологда).

Следует подчеркнуть, что Республика Армения, будучи в составе СССР, не рассматривала передвижение населения на территории союзных стран как международную миграцию, что оказывало влияние на принятие решения о переезде в едином политическом пространстве.

«У меня в Вологде сестра живет. Она вышла тут замуж. Но она с мужем приехали сюда не с целью работать. Раньше жили в Узбекистане, так как СССР, потом они приехали сюда и остались. Я приехал тогда к ней отдохнуть. Потом пришли и пришли, остались и начали работать» (муж., 41 год, строительная сфера, г. Череповец).

«В Череповец я приехала из Узбекистана. Мои дедушка с бабушкой из Нагорного Карабаха (Арцах) еще в советское время переехали в Узбекистан. Никаких ограничений не было. С маминой стороны дедушка был женат на узбечке, после карабахско-азербайджанской войны мы с родственниками переехали в Самарканд. В Череповец мы приехали чисто случайно. Мой муж здесь жил, и мы вместе приехали уже сюда» (жен., 41 год, сфера торговли, г. Череповец).

Однако после обретения страной независимости и выхода из состава Советского Союза значительное число армян невольно приобрели статус международного мигранта. В связи с этим особое значение представляют соглашения, подписанные Республикой Арменией как государством – членом Евразийского экономического союза, что также оказывает положительное влияние на миграционные передвижения по маршруту Армения – Россия. Респонденты, принявшие участие в опросе, отметили особую роль и

значение соответствующих соглашений, заключенных на государственном уровне, для выбора российского направления миграции:

«Раньше с оформлением документов временных работников было трудно. Нужно было получить квоты, чтоб позволили пригласить. Но в связи с тем, что Армения вступила в ЕАЭС, эти препятствия исчезли. Я все делаю в рамках закона, потому что штрафы за нарушения очень большие (от 50000 до 100000 рублей)» (муж., 50 лет, строительная сфера, г. Вологда).

«Я в России нахожусь временно, у меня как бы трудовой договор на один год и срок истекает в декабре 2018 г. Когда гражданин Армении приезжает в Россию, имеет право жить на территории РФ без регистрации, можно и зарегистрироваться на 3 года. Но это не означает, что они имеют право заниматься бизнесом или еще какой-то деятельностью, потому что они в роли гостя. То есть если приезжаешь в Россию и цель визита пишешь, что приехал отдохнуть или к родственникам, то не можешь заняться какой-то деятельностью. Я зарегистрирован в Москве и, согласно договору ЕАЭС, имею право поступить по договору на работу хоть на 5 лет, и на основе этого все члены моей семьи имеют право на 5 лет зарегистрироваться в России» (муж., 55 лет, ювелирный бизнес, г. Сокол).

В ходе получения гражданства Российской Федерации мигрантам предоставляется возможность пользоваться различными государственными льготами, что также мотивирует население Армении к миграции в Россию.

«Я тут работаю легально, получила гражданство, получаю пенсию, все в рамках закона» (жен., 63 года, сфера ресторанного бизнеса, г. Сокол).

«Дети родились в Армении, но недавно получили гражданство России. Это очень важно, потому что даже посещение поликлиники для нас было платным, а при гражданстве уже бесплатно» (жен., 33 года, домохозяйка, г. Череповец).

Таким образом, проведенное качественное исследование позволяет сделать вывод, что мигранты связывают причины своего переезда из Армении в российский регион

не только с экономическими, но и с политическими факторами. В то же время очевидно, что на выбор миграционного направления в первую очередь влияет наличие социальных сетей. Как правило, респонденты обосновывают свой приезд в регион наличием в нем социальных связей и контактов.

Учитывая субъективные факторы миграции, а также выбор страны и региона назначения, необходимо особое внимание уделить роли социальных сетей. Наше исследование показывает, что миграция из Армении происходит не спонтанно, уезжающие на заработки или постоянное место жительства имеют четкое представление о стране назначения, социальных сетях, которые служат значимым фактором при выборе конкретного миграционного направления.

По словам исследователей, «сети мигрантов» (или «миграционные сети») – это совокупность межличностных взаимодействий, которые связывают мигрантов, бывших мигрантов и не мигрантов в районах происхождения и назначения через связи родства, дружбы и совместного сообщества происхождения (Massey et al., 1993).

Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство мигрантов при принятии решения о выборе страны назначения основывается на наличии подобных сетей.

«В Россию первый раз пришел на зарубежные заработки в 1993 г., несколько лет поработал, вернулся назад. Но почувствовал, что лучше переехать в Россию. Сначала я один приехал сюда, потом через некоторое время привел сюда на постоянное жительство и свою семью. В других регионах и городах России не бывал, я только приезжал в Вологду. Тогда тут много было моих односельчан, родственников, которые с времен Советского Союза (с 1970–1980-х гг.) приезжали на зарубежные заработки, и приехал к ним. Каждый тут занимался разными делами, кто как. Мой зять работал в местном колхозе и для меня работу нашел, потом работал с другими. Постепенно начал создавать свою собственную фирму, звал ко мне работать своих односельчан, знакомых. Я работаю в сфере строительства,

в основном в сельскохозяйственной области» (муж., 50 лет, строительная сфера, г. Вологда).

Миграционные сети – это те формальные или институциональные связи, посредством которых происходит передача информации и взаимопомощь, которые появляются в уже установленных иммигрантами общинах за рубежом для удовлетворения потребностей своих членов, а также их родственников и знакомых в местах происхождения. На всех этапах миграции структура социальных отношений формирует информацию и первоначальную поддержку мигранта.

«Более 35 лет работал в сфере радио и телевидения – инженером, оператором, режиссером. Одним словом, жизнь моя прошла в сфере телевидения. Сейчас тоже в Армении у меня есть возможность работать в этой сфере, только зарплата очень низкая и не удовлетворяет минимальные потребности моей семьи. В декабре 2017 г. я сначала приехал в Москву и пытался найти работу в сфере телевидения. Там я жил у своих близких, друзей, которые занимаются разными делами – розничной торговлей, кто-то водителем. В Сокол я приехал, потому что мой двоюродный брат находится тут и занимается своим бизнесом» (муж., 55 лет, ювелирный бизнес, г. Сокол).

Каждый мигрант анализирует возможные направления и выбирает наилучшую комбинацию – уровень заработной платы, безопасность работы и стоимость проезда, и, с другой стороны, использует для этого имеющиеся в наличии структурные возможности. В качестве таких возможностей выступают информационная, финансовая и другая помощь родственников и близких, уже работающих за границей.

«В Соколе живу с 2010 г. Мой муж тоже работает в России в городе Новокузнецк. Он уже более 20 лет приезжает на зарубежные заработки и работает в сфере строительства. В основном работает в Новокузнецке и Кемерово. У него там есть родственники, которые пригласили его туда. Я в 2010–2013 гг. была в Сибири, в городе Братск, там была армянская семья, и я работала у них в ресторане. До этого в России не была, не считая в советское время, когда приезжали отдыхать.

Туда не вернулась, потому что очень далеко, билеты туда очень дорого стоят. В 2013 г., по приглашению родственников, переехала в Вологодскую область. У меня есть российское гражданство» (жен., 63 года, сфера ресторанного бизнеса, г. Сокол).

Миграционные сети выполняют важную роль в установлении соответствия между спросом и предложением рабочей силы. В ходе личной коммуникации передается информация, не циркулирующая по публичным каналам.

«В моей фирме в основном работают армяне, которых я на сезонные работы сюда приглашаю. Даже есть люди, которые 18–20 лет постоянно из Армении приезжают ко мне работать, привозят с собой своих друзей, родственников» (муж., 50 лет, строительная сфера, г. Вологда).

«У меня тут собственная строительная фирма, и многие из моих родственников живут и работают у меня. И не только родственники, и односельчане, друзья, знакомые приезжают ко мне работать» (муж., 41 год, строительная сфера, г. Череповец).

Особое внимание следует акцентировать на том обстоятельстве, что, помимо предоставления предварительной информации о стране назначения, оказания содействия на начальном этапе, миграционные сети выступают своеобразным гарантом безопасности, основанным на атмосфере многолетнего доверия.

«Да, много слышал, что работают, не платят им деньги, даже с моими знакомыми такое было, они возвращались, потом отправляли часть денег, остальную часть даже и не отправляли, бывало, что вообще не платили. Бывало, что с помощью друзей, знакомых получали эти деньги. В основном эта тенденция заметна в Москве и в Подмоскovie в области строительства. Но после этого они не прекращали приезжать в Россию и работать. Просто вынуждены» (муж., 54 года, ювелирный бизнес, г. Сокол).

«В Вологде я уже 3 месяца. Сюда приехал, чтоб заработать. В Армении не было работы. Приехал один. Я был водителем, механизатором. В Армении работал кранов-

щиком. Тут работаю в строительной сфере. По знакомству приехал сюда. Начиная с 1993 г. я приезжаю на зарубежные заработки. Я был в разных городах – Москва, Подмосковье, Киров, Рязань. Там тоже был простым рабочим. Моя воля, сегодня тут работаю, завтра в другом месте. Особой разницы нет, важно, чтоб зарплата была хорошей. Я 3 года работал в Подмосковье – Ногинский район, и мне не заплатили зарплату (армяне). И больше не хочу возвращаться туда. 3 года должны 60000 рублей, но до сих пор ничего не заплатили» (муж., 58 лет, сфера сезонной работы, г. Вологда).

«Я не первый год, что в России на заработках. Первый раз был на заработках в Иркутске в 2014 г. Там я занимался кладкой кирпичей. Были там знакомые люди, которые пригласили работать, и я пошел. Чем они там занимались, особо не осведомлен. Не захотел ехать туда, потому что, во-первых, очень далеко, климат плохой, зарплата была низкой. Во-вторых, они (армяне) обманывали людей и не платили деньги. Со мной лично это было и не получил зарплату» (муж., 70 лет, сфера сезонной работы, г. Вологда).

При изучении социальных сетей как субъективного фактора миграции необходимо уделить внимание семейным связям. Миграционные процессы, обусловленные фактором формирования семьи, представляют отдельный интерес. Данные отчетной документации диаспоры, а также общественной организации «Союз армян Вологодчины» свидетельствуют о том, что значимая доля лиц, вовлеченных в миграционные процессы из Армении, состоит из мужчин, которые на начальном этапе уезжают на заработки в одиночку, а затем перевозят к себе остальных членов семьи. Вместе с тем выделяется немалая часть мигрантов, изначально уезжающих с семьей.

«Я сюда приехал с семьей. Мою семью сюда привела плохая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в то время в Армении» (муж., 31 год, сфера предпринимательства, г. Череповец).

«Я тут с семьей, муж, дети. Муж, начиная с 1994–1995 гг., приезжал в Череповец на сезонные заработки. Потом решили в целях вос-

соединения семьи переселиться сюда. Не хотела, чтоб дети росли без отца» (жен., 33 года, домохозяйка, г. Череповец).

В последнее время наблюдается тенденция, когда постоянно проживающие в российском регионе армяне приезжают и выбирают невесту в Армении.

«В Череповце я живу с 2016 г., вышла замуж и переехала сюда. Тут живу с мужем, свекровью, есть ребенок, ждем второго. В данный момент из моих родственников рядом находится только моя мать. Она хотела бы остаться, да и я очень хочу, чтоб рядом была и помогла детей растить, но в Армении она работает учительницей и должна вернуться» (жен., 26 лет, домохозяйка, г. Череповец).

Традиционно принято, что армяне не должны вступать в брак с иностранцами. Однако установленные социальные сети, контакты с местным населением приводят, в том числе, к смешанным бракам.

«Вышла замуж, приехали сюда. Муж у меня местный. Его отец из Нагорного Карабаха, а мать русская. Отец его служил здесь, потом познакомился с будущей женой. Они почти год жили в Армении, потом после рождения мужа они приехали сюда» (жен., 42 года, образовательная сфера, г. Череповец).

Однако, даже долгое время живя в чужой среде, большинство армян продолжает придавать важность роли национальных браков, по возможности предотвращая риски ассимиляции армянского народа.

«Да, для меня большое значение имеет, чтоб армяне женились на армянках, потому что наш народ и так маленький, и если сливаться с другими народами, то от армян ничего не останется. Очень много молодых армян приезжают сюда, остаются и женятся на русских девочках. И со временем забывают свою принадлежность» (муж., 50 лет, строительная сфера, г. Вологда).

Итак, невзирая на то, что миграция рассматривается как источник удовлетворения экономических потребностей, а также как основное средство обеспечения своего благосостояния, зачастую передвижение за пределы страны нацелено на сохранение существующей или создание новой семьи.

Заключение

Результаты авторского исследования позволяют сделать вывод об основных объективных и субъективных факторах международной миграции на постсоветском пространстве (на примере: Армения – российский регион) с позиции самих мигрантов. При определении места проведения исследования (Вологодская область Российской Федерации) была предпринята попытка всесторонне представить основные факторы, предопределяющие выбор армянами данного региона для проживания. Выявлено, что между Республикой Арменией и Вологодской областью (до 1929 года – Вологодской губернией) уже не одно столетие формируются различные социально-экономические, культурные контакты и, соответственно, социальные сети, что выступает важнейшим социокультурным фактором миграции армян в регион в современный период.

Этапом массовой эмиграции из Армении стали 1990-е гг., что было обусловлено экономическим кризисом в стране после распада Советского Союза и главным образом масштабными военными действиями в Нагорном Карабахе. Исследование показало, что с позиции самих мигрантов экономические факторы выступают первостепенными: обеспечение минимальных условий жизни, стремление получать адекватное вознаграждение за выполненную работу в первую очередь побуждают людей рассматривать миграцию как источник удовлетворения жизненных потребностей.

Тем не менее помимо экономических факторов, были выявлены и политические детерминанты миграции, к примеру коренные политические преобразования, происходившие после распада Советского Союза и обретения Арменией независимости.

В настоящее время в контексте политических факторов респонденты – армянские мигранты, как постоянно проживающие в регионе, так и выезжающие на сезонную работу, особо подчеркнули важность членства Армении в Евразийском экономическом

союзе и соглашениях, заключенных на межгосударственном уровне, что способствует безопасности и беспрепятственной законной деятельности мигрантов на территории страны пребывания.

В ходе анализа качественных социологических данных выявлено, что на выбор миграционного направления особое влияние оказывают субъективные факторы, т. е. наличие/отсутствие социальных сетей. Как правило, респонденты обосновывают свой приезд в регион наличием там социальных связей и контактов. Таким образом, миграция из Армении происходит не спонтанно, а уезжающие на заработки или постоянное место жительства имеют четкое представление о регионе назначения, социальных сетях. В связи с этим следует констатировать, что особую роль в процессе формирования миграционных потоков играют так называемые социальные сети мигрантов как совокупность межличностных связей бывших мигрантов и не мигрантов в районах происхождения и назначения через связи родства, дружбы, происхождения.

Систематизация теоретико-методологических основ, а также разработанная методика эмпирического исследования факторов миграции, в том числе социальной сетевизации мигрантов, как субъективных причин при выборе миграционного направления, представляют научную и практико-ориентированную значимость. Полученные выводы могут служить основой для дальнейших исследований в области совершенствования инструментов для регулирования миграционных процессов, инструментов изучения факторов миграционного поведения и решения проблем адаптации в принимающем обществе. Результаты проведенного исследования могут быть полезны для развития работы российских органов местного самоуправления с армянскими мигрантами, а также на уровне расширения деятельности государственных органов отдающего общества по сохранению квалифицированных человеческих ресурсов на территории страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Айрапетян Э.М. (2021). Транснациональная миграция как условие возвратности (на примере армянской диаспоры в Вологодской области) // Социальное пространство. Т. 7. № 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29138> (дата обращения 01.02.2022).
- Андрамонова В.В. (2015). Социальные сети в контексте развития современного общества // Современные проблемы науки и образования. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21486> (дата обращения 07.05.2022).
- Будилов А.П., Калачикова О.Н. (2020). Миграция и переселенческие установки жителей Вологодской области // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8
- Князева Е.И. (2006). Сетевая теория в современной социологии // Электронная библиотека Белорусского гос. ун-та (БГУ). Статьи факультета философии и социальных наук. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (дата обращения 28.02.2022).
- Лысак И.В. (2018). Сетевизация культуры: на пути к обществу взаимной прозрачности // Манускрипт. № 4 (90). С. 75–79.
- Моисеенко В.М. (2004). Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС. 285 с.
- Москвин Л.Б. (2018). Сетевизация общества: социально-экономический и политический аспекты // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 47–59.
- Староверов В.И. (1975). Социально-демографические проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука. 287 с.
- Bauer Th., Zimmermann K.F. (1999). Assessment of possible migration pressure and its labor market impact following EU enlargement to Central and Eastern Europe. *A Study for the Department of Education and Employment in UK*. IZA Research Report, 3, 61–66.
- Borjas G. (1987). Self-selection and the earnings of immigrants. *American Economic Review*, 77 (4), 531–553.
- Faist Th. (2000). *The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford: Clarendon Press.
- Felmlee D.H., Faris R. (2006). Interaction in social network. In: *The New Handbook of Social Psychology Second Edition*. Ed. J. Delamater, Springer Science, Business Media Dordrecht, 15, 439–464.
- Harris J., Todaro M.P. (1970). Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. *American Economic Review*, 60 (3), 15–21.
- Hicks J.R. (1932). *The Theory of Wages*. London: Macmillan.
- Lee E.S. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3 (1), 47–57.
- Lewis W. (1954). Economic development with unlimited supplies of labor. *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 22, 144–156.
- Makaryan G., Galstyan M. (2012). *Costs and Benefits of Labour Mobility between the EU and the Eastern Partnership Partner Countries*. Armenia, Yerevan.
- Massey D.A. (2002). Synthetic theory of international migration. *World in the Mirror of International Migration*. Ed. by V. Iontsev. M.: MAX Press, 143–153.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. (1998). *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Clarendon: Oxford University Press.
- Massey D.S., Douglass S., Arango J., Hugo G., Kouaci A., Pellegrino A., Taylor J.E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and De*, 15 (3), 66–74.
- Sjaadstad L. (1962). The costs and returns of human migration. *Journal of Political Economy*, 70 (5), 80–93.
- Stark O. (1991). *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Taylor E.J. (1986). Differential migration, networks, information and risk. *Research in Human Capital and Development*, 4, 147–171.
- Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *American Economic Review*, 59 (1), 85–96.
- Wallerstein E. (1974). *The Modern World System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the 16-th Century*. New York: Academic Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эдгар Мурадович Айрапетян – магистр публичного управления, главный специалист, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Армения (Республика Армения, г. Ереван, ул. Давида Маляна, д. 2; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru)

Надежда Николаевна Покровская – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Российская Федерация, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5); Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48); Институт экономики, менеджмента и информационных технологий, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (Российская Федерация, 190103, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр-т, д. 44); e-mail: nnp@ Herzen.spb.ru

Hayrapetyan E.M., Pokrovskaja N.N.

MIGRATION FACTORS IN THE POST-SOVIET SPACE (EXPERIENCE OF ARMENIAN MIGRANTS IN THE VOLOGDA OBLAST)

After the collapse of the USSR, post-Soviet countries have experienced complex social processes, associated with both changes in the socio-political model and socio-cultural shifts. As a result of the geopolitical rearrangement, the former republics of the once unified union state found themselves included in the system of international migration flows, while their population often considered migration to countries previously in close ties as the only way to ensure their livelihoods. In the post-Soviet period, the Russian Federation is one of the main points of migration from the Republic of Armenia, while Russia can be considered a recipient country, while Armenia is a donor country. The research is devoted to the study of migration factors including taking into account the existing social network, in the case of the experience of Armenian migrants in the Russian region. In order to identify objective and subjective factors of migration from Armenia to the Vologda Oblast from the perspective of migrants themselves, we have conducted a qualitative sociological study from August 2018 to January 2019 (through an informal interview). Various socio-economic and cultural contacts have been formed between the Republic of Armenia and the Vologda Oblast (until 1929 it was Vologda Province) for more than a century, respectively, social networks which are the most important socio-cultural factor of the Armenians' migration to the region in contemporary period. The research results shows that migrants associate the reasons for their relocation from Armenia to the Vologda Oblast not only with objective factors (both economic and political), but also with subjective ones – the presence/absence of social networks. We have concluded that the choice of migration direction is primarily influenced by the presence of social networks: "migrant networks" are being formed as various social interactions between population of the giving and host society. The research results can be useful for developing the work of Russian local self-government bodies with Armenian migrants and at the level of expanding the activities of state bodies of the giving society to preserve qualified human resources in the country.

Migration, labor migration, human capital, social networking, host society

REFERENCES

- Airapetyan E.M. (2021). Transnational migration as a condition of the possibility of returning (in the case of the Armenian diaspora in the Vologda Oblast). *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 7(5). DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29138> (accessed: February 1, 2022; in Russian).
- Andramonova V.V. (2015). Social networks in the context of development of modern society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21486> (accessed: May 7, 2022; in Russian).
- Budilov A.P., Kalachikova O.N. (2020). Migration and migration attitudes of the Vologda Oblast residents. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(106), 108–119. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8 (in Russian).
- Kniazeva E.I. (2006). Network theory in contemporary sociology. *Elektronnaya biblioteka Belorusskogo gos. un-ta (BGU). Stat'i fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk=Electronic Library of the Belarusian State University. Articles of the Faculty of Philosophy and Social Studies*. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (accessed: February 28, 2022; in Russian).
- Lysak I.V. (2018). Internetization of culture: On the way to the society of mutual transparency. *Manuskript=Manuscript*, 4(90), 75–79 (in Russian).
- Moiseenko V.M. (2004). *Vnutrennyaya migratsiya naseleniya* [Internal Migration of Population]. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU; TEIS.
- Moskvin L.B. (2018). Network society: Social-economical and political aspects. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*, 3, 47–59 (in Russian).
- Staroverov V.I. (1975). *Sotsial'no-demograficheskie problemy derevni: metodologiya, metodika, opyt analiza migratsii sel'skogo naseleniya* [Urban Socio-Demographic Problems: Methodology, Methods, Experience in Analyzing Migration of Rural Population]. Moscow: Nauka.
- Bauer Th., Zimmermann K.F. (1999). Assessment of possible migration pressure and its labor market impact following EU enlargement to Central and Eastern Europe. *A Study for the Department of Education and Employment in UK*. IZA Research Report, 3, 61–66.
- Borjas G. (1987). Self-selection and the earnings of immigrants. *American Economic Review*, 77(4), 531–553.
- Faist Th. (2000). *The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford: Clarendon Press.
- Felmlee D.H., Faris R. (2006). Interaction in social network. In: Delamater J. (Ed.). *The New Handbook of Social Psychology Second Edition*. Springer Science, Business Media Dordrecht, 15, 439–464.
- Harris J., Todaro M.P. (1970). Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. *American Economic Review*, 60(3), 15–21.
- Hicks J.R. (1932). *The Theory of Wages*. London: Macmillan.
- Lee E.S. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3(1), 47–57.
- Lewis W. (1954). Economic development with unlimited supplies of labor. *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 22, 144–156.
- Makaryan G., Galstyan M. (2012). *Costs and Benefits of Labour Mobility between the EU and the Eastern Partnership Partner Countries*. Armenia, Yerevan.
- Massey D.A. (2002). Synthetic theory of international migration. In: Iontsev V. et al. (Eds.). *World in the Mirror of International Migration*, 10. Moscow: MAX Press, 143–153.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G. et al. (1998). *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Clarendon: Oxford University Press.
- Massey D.S., Douglass S., Arango J. et al. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and De*, 15(3), 66–74.
- Sjaadstad L. (1962). The costs and returns of human migration. *Journal of Political Economy*, 70(5), 80–93.
- Stark O. (1991). *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell.
- Taylor E.J. (1986). Differential migration, networks, information and risk. *Research in Human Capital and Development*, 4, 147–171.
- Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *American Economic Review*, 59(1), 85–96.
- Wallerstein E. (1974). *The Modern World System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the 16-th Century*. New York: Academic Press.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Edgar M. Hayrapetyan – Master of Public Administration, Chief Specialist, Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia (2, Davit Malyan Street, Yerevan, Republic of Armenia; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru)

Nadezhda N. Pokrovskaia – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI” (5, Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197022, Russian Federation); Graduate School of Media Communications and Public Relations, Saint Petersburg Polytechnic University (29, Polytechnicheskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation); Herzen University (48, Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation); Institute of Economics, Management and Information Technologies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics (44, Lermontovsky Prospect, Saint Petersburg, 190103, Russian Federation); e-mail: nnp@herzen.spb.ru